

детства он им заменял образ Христа. Я говорил каждому из сыновей: если ты любишь людей, если в тебе есть добро, то Маленький принц к тебе придет. Сейчас старшему четырнадцать, среднему тринадцать, младшему — восемь, а песня оказалась для них столь же нужной, как для меня самого. Она очень противоречивая, неоднозначная, без претензий на нравоучительность. Все-таки лучше хоть как-то двигаться, пускай ползком! А вот полулюбовь — это не движение, нет.

— Не кажется ли вам, что тексты многих песен настолько противоречивы внутренне, что, подходя к содержанию с определенными моральными критериями, как бы провозглашенными вначале, впоследствии приходишь к прямо противоположным выводам!

— И это естественно. Меня такой эффект не пугает. Я даже не столько поэт, композитор и музыкант, сколько артист. Потому и выхожу на сцену. Ну, а чтобы помочь людям в каких-то проблемах разобраться, необходимо, как минимум, заставить их задуматься над сложными вопросами.

— А собственные сложности не возникли в связи с этим?

— Да нет, не особо. Не жалуюсь на судьбу. Бывает, какие-то темные личности подходят, просят что-то сделать для них, а потом вдруг понимаешь, провокация, подосланные! Раньше меня многократно «вызывали», нечто спрашивали. Один раз заставлял писать «отчет» про Галича, после того, как он ко мне приезжал. Ничего желаемого от меня не добились. Но пришли-то за мной рано утром, в шесть часов, взяли еще «тепленького», я был сонный и испугался.

Однажды чуть не выгнали из аспирантуры, но меня отстоял мой профессор.

— Как вы оцениваете собственную «власть над умами»?

— Мне трудно сказать что-либо определенное. Знаю, есть люди, готовые слушать меня неустанно. То, что кому-то мои песни помогают жить — и выжить, и выстоять, — это важнее всего. Истории происходят фантастические! Однажды ко мне в Пензе подошла девочка и сказала (а ее мама подтвердила), что, когда у нее высокая температура, она слушает мои пластинки — и болезнь отступает.

Подобных случаев много. А во Владивостоке такой случай. У супружеской пары сына убило током, мальчик гулял во дворе и дотронулся до оголенного кабеля... Муж и

жена решили умереть вдвоем, перерезать себе вены. Готовились к этому. Но случайно услышали мои песни. «Защепились» за них... Сейчас живут, у них две дочки.

— У вас свойства незаурядного экстрасенса. А какая основная, «гражданская», профессия?

— Поэзия и музыка и были моей первой профессией. Этим я еще со школьной скамьи деньги зарабатывал. Конечно, я понимал, что не могу свободно заниматься этим в нашем государстве, просто интуитивно чувствовал.

Окончил Уральский политех, кстати, тот же факультет, что и Ельцин. А в аспирантуре учился уже на математика-прикладника. Диссертацию написал, но защитить не удалось по той же причине, по какой и книги мои не издавались...

А потом меня услышал и пригласил к себе в театр Аркадий Исаакович Райкин. Это великий человек, и я горд тем, что он любил меня. Он очень меня поддержал.

— Какой вам видится судьба авторской песни и всего «каспэшного» движения?

— Зачатки упадка наметились давно, думаю, в конце 70-х. С КСП у меня всегда были какие-то странные отношения, двусмысленные. Например, аудитория в клубах меня хорошо принимала, а вот местные авторы — отнюдь. Порой на меня смотрели, как на врага: «Во что ты превратил самодельную песню?! Зачем ты стараешься хорошо

играть? Не следует хорошо играть, главное — слова, содержание!» Потом смотрю — а сами эти авторы потихонечку учатся владеть инструментом более профессионально.

— Вы постоянно обновляете репертуар. Но на нынешних гастролях исполняете немало давнишних песен, между тем как еще два года назад пели исключительно по просьбам слушателей, да и то, кажется, не слишком охотно...

— Да, прежде у меня была жесткая установка, от моей соавтки зависящая: я считал, что обязан двигаться вперед, не имею права останавливаться. И в то же время передо мною всегда стояла сверхзадача — сделать зрителям что-то для души, чтобы им понравилось, если плохо, если испорчено настроение. Я должен думать о тех людях, к которым обращаюсь со сцены, и не вправе навязывать им свою программу. Я должен с ними, в конце концов, чем-то поделиться.

И вот сейчас, по-иному оценивая свои старые песни, я пришел к выводу, что это несравнимо лучше, когда переменяешь их с новыми. Однако очень трудно найти варианты чередования, и в этом смысле последняя программа довольно удачно скомпонована. Только нужно удивляться и обижаться, если я исполняю по-иному старые песни. Ведь я их уже иначе вижу.

Интервью взял
Олег БОРОДАЧ.